УДК: 341.24:327 DOI: 10.12737/21319

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ВЫСТРАИВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ СО СТРАНАМИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Захарченко П.К.[1]

В статье представлен анализ восточного направления внешней политики Европейского союза. Выделяются предпосылки формирования общего внешнеполитического курса Европейского союза в отношении государств постсоветского пространства, страны, сыгравшие ключевую роль на начальном этапе формирования, а также степень их участия в процессе. Обозначаются и группируются факторы, прямо и косвенно влияющие на ход трансформации внешней политики ЕС на указанном направлении. Дается характеристика широкого спектра инструментов сообщества, используемых им в процессе становления и развития восточного вектора внешней политики. Предлагается вариант периодизации процесса, а также оценивается его состоятельность в долгосрочной перспективе.

В частности, автором делается вывод о невозможности дальнейшего качественного развития отношений Европейского союза с государствами постсоветского пространства в рамках существующих внешнеполитических программ и инструментов. Требуется коррекция существующего внешнеполитического курса, либо формирование нового курса, удовлетворяющего актуальным требованиям, продиктованным современной ситуацией в сфере мировой политики.

Ключевые слова: Европейский союз, внешняя политика, постсоветское пространство, Европейская политика соседства, Восточное партнерство.

FORMATION AND TRANSFORMATION OF EUROPEAN FOREIGN APPROACH TO BUILDING RELATIONS WITH POST-SOVIET COUNTRIES

ZAKHARCHENKO P.K. – Postgraduate Student of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: pavel-zakharchenko@mail.ru

The article presents an analyses of Eastern direction of external policy of European Union. The background of formation of common European external policy concerning post-soviet states is outlined as well as core countries that influenced the formation process most of all and their degree of involvement in this process are marked out. Some direct and indirect factors that have an impact on the formation of external policy of European Union in indicated direction are presented and grouped. A wide range of instruments used by EU during the process of establishment and development of European eastern policy is characterized. The variant of periodization is proposed and the long-term consistency of the process is estimated.

Захарченко Павел Константинович – аспирант, Воронежский государственный университет, адрес: 394052, Россия, г. Воронеж, Московский проспект, д. 88, e-mail: pavel-zakharchenko@mail.ru

In particular, the author comes to conclusion that it is impossible to develop further relations between European Union and post-soviet states in frames of existing external political programs and instruments. It is critical to improve the actual eastern policy routing or to conceive a new one that would satisfy the modern world politics demands.

Keywords: European Union, external policy, post-Soviet space, European Neighborhood Policy, Eastern partnership.

Для понимания целей, задач и приоритетов внешней политики Европейского Союза в отношении постсоветских государств необходимо обратиться к начальному этапу формирования к ним общеевропейского подхода, который приходится на время распада социалистической системы во главе с Советским Союзом. Указанное событие было воспринято Западной Европой как возможность возвращения новых независимых государств в пределы своего политического влияния[1]. В этой связи необходимо выделить несколько европейских стран, наиболее заинтересованных в развитии постсоветского измерения восточной политики ЕС. Ими являются Германия, Польша и Великобритания. Такой выбор обусловлен тем, что вышеуказанные государства имеют не только достаточно сформировавшиеся в рассматриваемом регионе интересы, но и предлагают разные концептуальные подходы к развитию внешней политики Европейского союза на постсоветском пространстве[2].

Говоря о политике ЕС на постсоветском пространстве, нельзя не учитывать заинтересованность в регионе ФРГ, политика которой, с одной стороны, базируется на экономическом, политическом и культурном влиянии на Центральную и Восточную Европу, а с другой – ограничивается отрицательными историческими воспоминаниями. Украина, к примеру, является ключевым партнером из числа восточных соседей Германии. Упоминания о ней в различных видах существовали в немецких внешнеполитических концепциях с начала XX века[3]. Для ФРГ сложность в формировании отношения к постсоветскому пространству состояла в том, что, с одной стороны, она благосклонно отнеслась к распаду политической системы и увеличению количества государств в Европе. С другой стороны, нельзя отрицать особые, определяемые целым рядом факторов партнерские отношения с Россией, считающей постсоветское пространство своей зоной влияния[4].

Идея «восточного измерения» внешней политики ЕС более всего близка Польше и имеет глубокие исторические корни[5]. Главной целью польской внешней политики после 1989 года стало построение вокруг государства кольца дружественных стран, ориентированных на

[1] Трещенков Е.Ю. Политика Европейского Союза на постсоветском пространстве: процесс формирования, факторы и характерные особенности (1991-2014 гг.) / Е.Ю. Трещенков // Клио. Журнал для ученых, 2015, март. - №3(99). – С. 161.

[2] Трещенков Е.Ю. «Восточное измерение» политики соседства Европейского Союза: возникновение и эволюция / Е.Ю. Трещенков // Вестник СПбГУ, 2010. – Серия 6. Выпуск 4. – С. 118.

[3] Шелудченко Н.П. Новая «восточная политика» ФРГ в 1990-е – 2005 гг. / Н.П. Шелудченко // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: история и политические науки, № 1. – М.: МГОУ, 2013. – С. 14.

[4] Белов В.Б. ФРГ: восточный вектор внешней политики / В.Б. Белов // Современная Европа, № 4. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы РАН, 2014. – С. 101.

[5] Бовдунов А.Л. Восточный вектор внешней политики Польши: геополитическая традиция и современность / А.Л. Бовдунов // Россия XXI, № 2. – М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2012. – С. 59.

следование западноевропейским ценностям. Причем Украине, а точнее её независимости и вовлеченности в евро-атлантическое сообщество, как в случае с внешней политикой ФРГ, отводилось ключевое место[1].

Великобритания была одним из немногих государств Европы, проявивших интерес к новым независимым государствам (в особенности к Украине) в связи с распадом СССР2. Руководство Великобритании выступало в поддержку расширения Евросоюза в 2004–2007 годах. Британская служба внешних действий в лице главы Джека Стро фактически инициировала дискуссии в Евросоюзе о необходимости нового подхода в отношениях ЕС с восточноевропейскими соседями после расширения.

Необходимо отметить, что именно в 1990-е годы формируются первые инструменты внешней политики ЕС в отношении бывших советских республик, причем в большинстве своем эти инструменты не являются уникальными. Они представляют собой результат сложившейся практики взаимодействия с другими государствами и регионами в различные промежутки времени3. Европейский союз, как и любая другая бюрократическая структура, склонен применять схожие алгоритмы и подходы в типовых ситуациях. Одним из таких универсальных инструментов является принцип политической обусловленности. В узком смысле подход состоит в том, что в соглашения с государствами-партнерами вносятся пункты об обязательности следования общим демократическим ценностям. Если государство, с точки зрения ЕС, нарушает указанные выше положения, то по отношению к нему может быть приостановлена финансовая и техническая поддержка, пересмотрен торговый режим и т.п.

Правовую основу взаимоотношений Европейского союза с большинством постсоветских республик составили Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. Указанные соглашения с государствами постсоветского пространства являются стандартными документами, имеющими между собой большое количество общих пунктов. Они содержат положения о политическом диалоге, торговле товарами и услугами и экономическом сотрудничестве, а также об институционализации сотрудничества. В дополнение к этому в текстах есть и нюансы, указывающие на особенности отношений и значимость каждой из стран для Евросоюза на момент подписания соглашений. К примеру, в соглашении с Украиной изначально содержалось положение о том, что при условии прогресса страны в продвижении экономических реформ стороны обсудят в 1998 году возможность начала переговоров по формированию зоны свободной торговли[4].

Кроме технической помощи, Европейский союз обращал особое внимание на торгово-экономические отношения со странами постсоветского пространства. Для начала, речь заходила о поддержке их ориентира на присоединение к Всемирной торговой организации. В дальнейшем членство в ВТО будет упоминаться Евросоюзом в качестве основополагающего условия начала обсуждения по формированию зоны свободной торговли с определенным государством региона. Вместе с тем необходимо отметить, что в переговорах с отдельными республиками постсоветского пространства по их присоединению к ВТО представители

[1] Чернова А.В. «Восточная политика» Польши: от концепции «УЛБ» до «Восточного партнерства / А.В. Чернова // Вестник МГИМО-Университета, № 6.. – М.: МГИМО МИД РФ, 2013. – С. 18 – 21.

[2] Кацы Д.В. Отношения Европейского Союза с Беларусью и Украиной (1994-97 гг.). М.: СПб. – 1998. – С. 23.

[3] Трещенков Е.Ю. Политика Европейского Союза на постсоветском пространстве: процесс формирования, факторы и характерные особенности (1991-2014 гг.) / Е.Ю. Трещенков // Клио. Журнал для ученых, 2015, март. - №3(99). – С. 162.

[4] Partnership and Cooperation Agreement between the European Communities and their Member States, and Ukraine // European Commission – Trade Websites. – URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/october/tradoc_111612.pdf. (дата обращения 03.08.2016).

Европейской комиссии часто проявляли несоразмерную ситуации жесткость, подчас игнорируя проблемы экономической безопасности партнеров (например, в переговорах с Украиной[1]).

В конце 90-х годов появился еще один инструмент Евросоюза, реализуемый отдельными странами-членами в отношениях с Россией. В 1995 году в ЕС вступили Австрия, Финляндия и Швеция, что привело к появлению общей границы между Европейским союзом и Россией. С инициативой формирования «северного измерения» политики ЕС выступило в 1997 году руководство Финляндии. Уникальность данного механизма сотрудничества заключалась в том, что в нем участвовали как страны-члены ЕС, а также государства, готовящиеся к нему присоединиться (страны Балтии), так и Россия. Программы, реализуемые в рамках Северного измерения, касались защиты окружающей среды, развития инфраструктуры региона, вопросов энергетики. Однако, не были созданы основополагающие институты сотрудничества, а сам Евросоюз принимал довольно ограниченное участие в финансировании программ[2]. Их эффективность во многом зависела от интереса к ним отдельных стран, а также от привлечения сторонних финансовых институтов.

К концу 90-х годов из стран постсоветского пространства наиболее значимой для ЕС оставалась Россия. Вместе с тем, определенное внимание уделялось и Украине, которая, в силу своих экономических, демографических, геополитических параметров, рассматривалась как противовес потенциальному «неоимперскому» усилению России в регионе. Несмотря на приоритетность отношений с Россией, Евросоюз всячески старался подчеркнуть особый статус Украины. Неслучайно в рамках становления Общей внешней политики Европейского союза в отношении обоих государств были приняты т.н. Общие стратегии. В них подчеркивался факт того, что Евросоюз рассматривает Россию в качестве «стратегического партнера»3. В случае с Украиной, в соответствующей Стратегии также подчеркивался ее статус «стратегического партнера» и необходимость проведения реформ. Кроме того, Евросоюз приветствовал «европейские устремления» Украины и ее «проевропейский выбор»[4]. В целом в Стратегии в отношении России содержалось больше различных «статусных» формулировок, которые должны были подчеркнуть особое место страны на континенте и в отношениях с Евросоюзом. Украина в соответствующей Стратегии представала скорее как одно из крупных европейских государств, но не как равноправный партнер.

Приход к власти в России президента Владимира Путина рассматривался в Европейском союзе как шанс придать отношениям новый импульс. Но, как отмечает А. Изотов, «обоюдные разочарования накапливались постепенно, однако российский финансовый кризис 1998 года, а также ситуация вокруг Косово в 1999 году во многом продемонстрировали эфемерность ожиданий как российской стороны, так и ЕС»[5].

---

[1] Трещенков Е.Ю. От восточных соседей к восточным партнерам. Республика Беларусь, Республика Молдова и Украина в фокусе политики соседства Европейского союза (2002– 2012 г.). СПб: Свое издательство, 2013. – С 145– 148.

[2] Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. «Северное измерение и Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря. / Е.Г. Болотникова, Н.М. Межевич // Посковский регионологический журнал, 2012. – № 13. – С. 40-41.

[3] Common Strategy of the European Union of 4 June 1999 on Russia (1999/414/CFSP) // European Comission – Trade Websites. – URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/november/tradoc_114137.pdf. (дата обращения 03.08.2016).

[4] European Council Common strategy of 11 December 1999 on Ukraine (1999/877/CFSP) // Council of the European Union. – URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/ukEN.pdf. (дата обращения 03.08.2016).

[5] Изотов А.В. Проблема устойчивости отношений России и Европейского союза // Россия и Европейский союз в поисках парадигмы устойчивых отношений. Материалы научной конференции, проводившейся на факультете международных отношений СПбГУ 27– 28 июня 2008 г. – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. – С. 51.

Наличие разнообразных торгово-экономических, культурных и прочих связей объективно подталкивало Россию и ЕС к продолжению и развитию сотрудничества. Тем не менее, в силу ряда обстоятельств, конфликтность в политических отношениях проявлялась все чаще. По мере укрепления в России вертикали власти, а также увеличения ресурсной базы российской политики как следствия роста мировых цен на энергоносители, росла уверенность российской правящей элиты в своих силах. Существенно возросла готовность политического руководства идти на обострение отношений с Евросоюзом в случае возникновения конфликтных ситуаций. Одним из первых таких серьезных конфликтов можно считать события «оранжевой революции» 2004 года в Украине.

Дискуссии о целесообразности формирования нового подхода к отношениям с соседями начались в Европейском союзе на рубеже 2001–2002 годов. Необходимость выработки нового, системного подхода была очевидна, учитывая, что Европейский союз должен был оказаться в состоянии непосредственного соседства с государствами постсоветского пространства.

В марте 2003 года Европейская комиссия представила свои наработки по будущей концепции отношений ЕС с соседями. В сообщении «Большая Европа» за Россией был сохранен статус соседа, однако она была отделена от трех других европейских республик СНГ – Беларуси, Молдовы и Украины, получивших название «западные новые независимые государства». В остальном констатировалась взаимозависимость Европейского союза и соседствующих с ним государств, влекущая за собой необходимость тесного взаимодействия и сближения сторон. Отдельно было оговорено, что предлагаемое углубление отношений с государствами-соседями не предполагает перспектив их членства в Евросоюзе[1].

1 мая 2004 года состоялось пятое расширение Европейского союза, а через две недели Совету ЕС, Европарламенту и общественности было представлено Сообщение Европейской комиссии «Европейская политика соседства. Стратегический документ». С его опубликования можно вести отсчет Европейской политики соседства. В Сообщении Россия была исключена из политики соседства, страны Южного Кавказа (Грузия, Армения и Азербайджан), напротив, были включены. Значительная часть Сообщения была посвящена Планам действий, механизму их принятия, содержанию и имплементации. Содержание каждого Плана действий планировалось сформировать в ходе совместной работы Европейской комиссии и властей страны-соседа в рамках общих инструментов ЕПС, но с учетом особенностей сложившегося двустороннего сотрудничества[2]. На деле Планы действий представляли собой набор требований Евросоюза к странам-соседям в области политических и экономических реформ, в обмен на выполнение которых Брюссель обещал заключение зон свободной торговли, либерализацию визового режима, финансовое содействие и другие бонусы[3].

Анализируя инструментарий Европейской политики соседства, исследователи указывали на появление феномена «внешнего управления» – ситуации, когда нормы и практики функционирования Европейского союза переносятся на страны-соседи без их членства в

[1] Communication from the Commission to the Council and the European Parliament «Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours». COM (2003) 104 final. Brussels, 11.3.2003 // European External Action Service. – URL: http://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf. (дата обращения 03.08.2016).

[2] Communication from the commission «European Neighbourhood Policy. Strategy Paper». COM (2004) 373 final. Brussels, 12.5.2004 // EUR-lex. – URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52004DC0373. (дата обращения 03.08.2016).

[3] Трещенков Е.Ю. Политика Европейского Союза на постсоветском пространстве: процесс формирования, факторы и характерные особенности (1991-2014 гг.) / Е.Ю. Трещенков // Клио. Журнал для ученых, 2015, – №3(99). – С. 165.

Евросоюзе. Тем не менее, на практике успешность такого переноса зависит от политической воли стран-соседей продвигаться по пути сложных и не всегда популярных среди населения преобразований. Инициатива Евросоюза по формированию Европейской политики соседства не вызывала большого энтузиазма у включенных в нее государств постсоветского пространства.

Среди стран-членов ЕС не было единогласия относительно целесообразности участия России в восточном измерении будущей ЕПС. Тем не менее, поскольку к моменту опубликования Европейской комиссией предложений по будущей концепции соседства возобладало видение максимально широкого «кольца соседей», Россия была включена в соответствующее Сообщение «Большая Европа». Причем отдельно в документе оговаривалось, что включение России в число стран-соседей ни в коем случае не является заменой т.н. стратегического партнерства между Россией и Евросоюзом. Перспектива участия в проектах политики соседства рассматривалась Москвой как понижение статуса России в отношениях с ЕС. По этой причине отношения с Евросоюзом было решено строить в рамках механизмов стратегического партнерства. Статус России как стороннего по отношению к ЕПС наблюдателя ограничил возможности влияния страны на форму восточного измерения внешней политики ЕС. Её характер и направленность во многом зависели от того, как внешнеполитическая деятельность России на постсоветском пространстве оценивается восточными партнерами и самими странами-членами ЕС.

Ключевую роль в процессе институционального оформления автономного восточного измерения ЕПС сыграла Польша. Польский МИД при поддержке шведских коллег выступил с инициативой формирования Восточного партнерства. Последнее, основываясь на положениях политики соседства, тем не менее, должно было стать автономным механизмом сотрудничества Евросоюза с шестью его восточными соседями – Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной.

Свои предложения Комиссия изложила в Сообщении «Восточное партнерство». Лейтмотивом документа стало положение о необходимости более интенсивного вовлечения ЕС в ситуацию общего зарубежья с Россией и, прежде всего, о необходимости сконцентрированных действий по поддержке и развитию в этих странах демократического управления и институтов. С другой стороны, в то же время говорилось, что «Восточное партнерство» должно стать программой, развивающейся не во вред стратегическому партнерству между РФ и ЕС1. В значительной мере документ основывался на уже сформулированных ранее в рамках ЕПС предложений. Таких, как, например, создание углубленных зон свободной торговли между ЕС и странами-соседями. Более существенным было положение о возможности заключения между ЕС и страной-соседом соглашения об ассоциации, подразумевающего абсолютное принятие страной европейских правовых, политических и экономических стандартов. Документ содержал также довольно определенные инициативы касательно возможных способов многостороннего сотрудничества: от регулярных встреч на высшем и министерском уровнях до стимулирования многостороннего отраслевого сотрудничества между восточными партнерами путем формирования так называемых тематических платформ.

За несколько лет, прошедших с момента опубликования польско-шведской инициативы, в рамках Восточного партнерства были сформированы механизмы многостороннего

[1] Communication from the Commission to the European Parliament and the Council «Eastern Partnership». Brussels, 3.12.2008. COM (2008) 823 final // EUR-Lex. – URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52008DC0823&from=EN. (дата обращения 03.08.2016).

сотрудничества, появилось парламентское измерение – Евронест (пусть и без участия Республики Беларусь) и Гражданский форум, объединивший организации третьего сектора восточных партнеров и ЕС. Более того, несмотря на некоторое ослабление интереса большинства стран-членов ЕС к постсоветскому пространству ввиду обрушившегося на Европу финансового кризиса и событий в Северной Африке, в Евросоюзе сложилось сильное лобби, постоянно стимулирующее внимание европейцев к региону. Оно включает в себя Польшу, Литву, депутатов Европейского парламента, представителей Европейской комиссии.

Одной из ключевых проблем Восточного партнерства как формата развития многостороннего сотрудничества является наличие острых политических противоречий между самими восточными партнерами (например, нагорно-карабахского сюжета в отношениях Армении и Азербайджана или молдавско-украинских приграничных споров). Случаи продвижения восточными партнерами консолидированной линии до сих пор единичны.

Рост интереса Европейского союза к постсоветскому пространству, сопровождавшийся его вовлечением в дела региона, происходил постепенно и под воздействием большого количества взаимосвязанных факторов. В формировании и эволюции политики ЕС отчетливо прослеживается три этапа.

На первом этапе (1991–2001 гг.) интерес Евросоюза к региону еще только оформляется. Основную роль играют крупные государства-члены ЕС, а в фокусе их внимания находится Россия. Этому способствует и то, что сам Евросоюз переживает глубокую трансформацию. Завершается формирование Единого рынка, постепенно оформляются общие подходы к политическому сотрудничеству и внешней политике. Кроме того, основное внимание на восточной границе приковано к региону Центральной и Восточной Европы, страны которого, присоединяясь к Евросоюзу, идут по пути «возвращения в Европу».

На втором этапе (2002–2007 гг.) в результате дискуссий об отношениях с новыми соседями на востоке Европы после планировавшегося в 2004 году расширения постепенно выкристаллизовывается Европейская политика соседства. Она аккумулировала в себе различные инструменты Евросоюза, применяемые в отношениях с третьими странами. Кроме того, ЕС обращает внимание на такие условные субрегионы постсоветского пространства, как Южный Кавказ и Центральная Азия.

На третьем этапе (с 2008 г.) происходит институционализация автономного восточного направления Европейской политики соседства в виде т.н. Восточного партнерства, в которое включаются шесть бывших советских республик – Армения, Азербайджан, Грузия, Беларусь, Молдова и Украина.

Уже к моменту запуска Восточного партнерства в политике Европейского союза в отношении государств постсоветского пространства отчетливо прослеживалось три основных географических направления, каждое из которых имело для ЕС разное значение. Первое направление – это стратегическое партнерство с Россией, предполагавшее построение четырех Общих пространств. Второе направление – собственно Восточное партнерство, включавшее европейские республики СНГ и государства Южного Кавказа и подкрепленное, помимо двустороннего формата сотрудничества, многосторонним измерением. Третье направление, наименее приоритетное из всех – Стратегия Европейского союза в отношении Центральной Азии.

В свою очередь, факторы, воздействовавшие на формирование и эволюцию политики Евросоюза в период с 1991 по 2014 годы, можно подразделить на несколько групп.

Во-первых, речь идет о расширениях Евросоюза, изменявших не только количество стран-членов, но и внешние границы интеграционного объединения. Перемещение границ и появление новых непосредственных соседей приводило к необходимости активизации

взаимодействия с ними по многим вопросам, начиная от миграционных вопросов и заканчивая налаживанием трансграничного сотрудничества. Как следствие, появилась Европейская политика соседства – инициатива, призванная систематизировать и углублять отношения ЕС с южными и восточными соседями.

Во-вторых, на период после распада СССР приходятся глубокие внутренние изменения в европейском интеграционном объединении.

В-третьих, на активизацию политики Евросоюза влияют внутренние процессы в самих бывших советских республиках. Одним из ключевых событий в этом ряду стала «оранжевая революция» в Украине, продемонстрировавшая европейцам существование на постсоветском пространстве серьезных противоречий относительно выбора моделей развития отдельными государствами региона.

В-четвертых, этому способствует и растущее со стороны России давление в отношении тех государств постсоветского пространства, которые дистанцируются от ее интеграционных проектов и движутся по пути европейской интеграции.

В-пятых, определенное воздействие на политику ЕС и его отдельных членов оказывали глобальные процессы, а также события в сопредельных регионах.

Интерес Европейского союза к процессам в сопредельных регионах исходит из понимания европейцами взаимосвязанности экономических, политических, социальных процессов по разные стороны границ. Постсоветское пространство и в дальнейшем будет оставаться в фокусе внимания Евросоюза. При этом, несмотря на то, что часть бывших советских республик осознанно выбрала европейскую интеграцию в качестве стратегии своего внутреннего развития, по региону пролегли глубокие разделительные линии и обозначился кризис «Восточного партнерства». «Второе дыхание» программе, по ожиданиям исследователей, должен был придать прошедший в Риге 21-22 мая 2015 года саммит, однако, прорывных результатов он не принес1. В этой связи, основополагающей целью Европейского союза остается модернизация существующей площадки взаимодействия в соответствии с современными вызовами, либо разработка и имплементация совершенного нового формата работы с государствами постсоветского пространства.

Библиография/References:

1. Белов В.Б. ФРГ: восточный вектор внешней политики // Современная Европа. – 2014. – № 4. – С. 97 – 110.

2. Бовдунов А.Л. Восточный вектор внешней политики Польши: геополитическая традиция и современность // Россия XXI. – 2012. – № 2. – С. 54 – 69.

3. Болотникова Е.Г., Межевич Н.М. Северное измерение и Стратегия Европейского союза для региона Балтийского моря // Посковский регионологический журнал. – 2012. – № 13. – С. 37 – 47.

4. Гулевич В.А. Скромные итоги рижского саммита «Восточного партнерства» // Международная жизнь. – URL: http://interaffairs.ru/read.php?item=13187. (дата обращения 10.08.16).

5. Изотов А.В. Проблема устойчивости отношений России и Европейского союза // Россия и Европейский союз в поисках парадигмы устойчивых отношений. Материалы научной конференции, проводившейся на факультете международных отношений СПбГУ 27–28 июня

[1] Гулевич В.А. Скромные итоги рижского саммита «Восточного партнерства» // Международная жизнь. – URL: http://interaffairs.ru/read.php?item=13187. (дата обращения 10.08.16).

2008 г. – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. – С. 46 – 86.

6. Кацы Д.В. Отношения Европейского Союза с Беларусью и Украиной (1994–97 гг.). – М.: СПб., 1998 – 49 с.

7. Трещенков Е.Ю. «Восточное измерение» политики соседства Европейского Союза: возникновение и эволюция // Вестник СПбГУ. – 2010. – Серия 6. Выпуск 4. – С. 118 – 129.

8. Трещенков Е.Ю. От восточных соседей к восточным партнерам. Республика Беларусь, Республика Молдова и Украина в фокусе политики соседства Европейского союза (2002–2012 г.). – СПб: Свое издательство, 2013. – 402 с.

9. Трещенков Е.Ю. Политика Европейского Союза на постсоветском пространстве: процесс формирования, факторы и характерные особенности (1991–2014 гг.) // Клио. Журнал для ученых. – 2015. – № 3 (99). – С. 161 – 173.

10. Чернова А.В. «Восточная политика» Польши: от концепции «УЛБ» до «Восточного партнерства» // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 6. – С. 18 – 21.

11. Шелудченко Н.П. Новая «восточная политика» ФРГ в 1990-е – 2005 гг. // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: история и политические науки. – 2013. – № 1. – С. 10 – 16.

1. Belov, V.B. (2014) FRG: vostochnyi vektor vneshnei politiki [FRG: Eastern Vector of Foreign Policy] // Sovremennaia Evropa [Contemporary Europe]. – № 4. – P. 97 – 110. (In Russ.)

2. Bovdunov, A.L. (2012) Vostochnyi vektor vneshnei politiki Pol'shi: geopoliticheskaia traditsiia i sovremennost' [Eastern Vector of Poland External Policy] // Rossiia XXI [Russia XXI]. – № 2. – P. 54–69. (In Russ.)

3. Bolotnikova, E.G., Mezhevich, N.M. (2012) Severnoe izmerenie i Strategiia Evropeiskogo soiuza dlia regiona Baltiiskogo moria. [Northern Dimension and the European Union Strategy for the Baltic Sea Region] // Pskovskii regionologicheskii zhurnal [Pskov Regional Journal]. – № 13. – P. 37 – 47. (In Russ.)

4. Gulevich, V.A. Skromnye itogi rizhskogo sammita «Vostochnogo partnerstva» [Unpretending Results of the Eastern Partnership Summit in Riga] // Zhurnal Mezhdunarodnaia zhizn' [International Affairs] . – URL: http://interaffairs.ru/read.php?item=13187. (data obrashcheniia 10.08.16). (In Russ.)

5. Izotov, A.V. (2009) Problema ustoichivosti otnoshenii Rossii i Evropeiskogo soiuza [The Problem of Stability of Russian and European Union's Relations] // Rossiia i Evropeiskii soiuz v poiskakh paradigmy ustoichivykh otnoshenii. Materialy nauchnoi konferentsii, provodivsheisia na fakul'tete mezhdunarodnykh otnoshenii SPbGU 27-28 iiunia 2008 g. [Russia and European Union in Search of Stable Relations Paradigm. Materials of Scientific Conference Held on International Relations Faculty of SPbGU 27-28 June 2008] – SPb: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. – P. 46 – 86. (In Russ.)

6. Katsy, D.V. (1998) Otnosheniia Evropeiskogo Soiuza s Belarus'iu i Ukrainoi (1994-97 gg.). [European Union's Relations with Belarus and Ukraine] – M., SPb. – 49 p. (In Russ.)

7. Treshchenkov, E.Iu. (2010) «Vostochnoe izmerenie» politiki sosedstva Evropeiskogo Soiuza: vozniknovenie i evoliutsiia [Eastern dimension of the European Union's neighbourhood policy: origin and evolution] // Vestnik SPbGU [Vestnik of Saint Petersburg University]. – Seriia 6. Vypusk 4. – P. 118 – 129. (In Russ.)

8. Treshchenkov, E.Iu. (2013) Ot vostochnykh sosedei k vostochnym partneram. Respublika Belarus', Respublika Moldova i Ukraina v fokuse politiki sosedstva Evropeiskogo soiuza [From Eastern Neighbors to Eastern Partners. Belarus, Moldova and Ukraine in European Union's Neighborhood Policy Focus] (2002-2012 g.). – SPb: Svoe izdatel'stvo. – 402 p. (In Russ.)

9. Treshchenkov, E.Iu. (2015) Politika Evropeiskogo Soiuza na postsovetskom prostranstve: protsess formirovaniia, faktory i kharakternye osobennosti (1991–2014 gg.) [European Union policy

towards the post-Soviet states: the process of formation, factors and specific features (1991-2014)] // Klio. Zhurnal dlia uchenykh [Clio. Journal for Scientists]. – № 3 (99). – P. 161 – 173. (In Russ.)

10. Chernova, A.V. (2013) «Vostochnaia politika» Pol'shi: ot kontseptsii «ULB» do «Vostochnogo partnerstva [Poland's "Eastern Policy: From "ULB" to the "Eastern Partnership"] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. – № 6. – P. 18 – 21. (In Russ.)

11. Sheludchenko, N.P.(2013) Novaia «vostochnaia politika» FRG v 1990-e – 2005 gg. [New "East Policy" of FRG in 1990-2005] // Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta [MRSU Magazine]. Seriia: istoriia i politicheskie nauki. – № 1. – P. 10 – 16. (In Russ.)